

Услышав зов Цуй Динчена, плач Сюй Фаня немного замедлился.

Цуй Динчен мягко позвал: "Сюй Фань, иди сюда".

Сяо Чжао положил Сюй Фаня на землю.

По сравнению с Сяо Чжао, Сюй Фань был немного ближе к Цуй Динчену. Сюй Фань, покачиваясь, подошел к Цуй Динчену. По его маленькому мясистому лицу текли слезы и сопли, пачкая его. Он даже икал от плача, что очень огорчило Цуй Динчена. Он достал из кармана клетчатый носовой платок и осторожно вытер лицо Сюй Фаня.

Сяо Чжао подошел и спросил: "Как Сюй Чжао?".

Цуй Динчен негромко ответил: "Пока не знаю".

Сяо Чжао добавил: "С ним должно быть все в порядке".

Цуй Динчен промолчал. Он не знал, будет ли Сюй Чжао в порядке или нет. Он знал только, что пока нес Сюй Чжао сюда, тот не издал ни единого звука. Он словно спал. Ужас заполнил его сердце. Никогда раньше он не испытывал такого страха. Он боялся, что с Сюй Чжао что-нибудь случится. Что он тогда будет делать?

Что ему делать?

В этот момент дверь палаты открылась. Цуй Динчен бросился вперед и узнал от врача, что у Сюй Чжао только небольшая травма головы. Ничего страшного не произошло, и он скоро придет в себя. Вместе с Сюй Фанем он поспешил в палату и остался рядом с Сюй Чжао ждать, когда тот придет в себя.

Однако...

Прошло 10 минут.

Прошло 20 минут.

...

Прошел час.

...

Прошло три часа.

...

Сюй Чжао все еще не проснулся. Даже врач был в замешательстве. Согласно здравому смыслу, пациент должен был уже проснуться. Не было ли у него какой-нибудь болезни? Доктор не решался давать какие-либо гарантии. В конце концов, медицинские возможности уездного госпиталя были ограничены. Он сразу же решил перевести Сюй Чжао в Первую народную больницу города Западной префектуры.

В Первой народной больнице тоже не было уверенности. Цуй Динчену посоветовали понаблюдать в течение одного дня и попросили подождать еще немного.

Цуй Динчену оставалось только ждать. Он отвел Сюй Фаня и усадил его перед больничной койкой Сюй Чжао. Он смотрел на спящего Сюй Чжао, охваченный горем и угрызениями совести.

"Папа", - позвал Сюй Фань.

Цуй Динчен обернулся и посмотрел на него.

Сюй Фань продолжал звать: "Папа".

Сюй Чжао, естественно, не ответил Сюй Фаню.

Сюй Фань посмотрел на Цуй Динчена и спросил: "Почему папа не просыпается?"

Цуй Динчен потер покрасневшие глаза и успокоил свое горе. Он мягко сказал: "Папа хочет спать. Он спит".

"Спит? Когда же папа проснется?"

"Очень скоро".

"Очень скоро - это когда?"

"Я тоже не знаю", - честно признался Цуй Динчен.

В присутствии Сюй Чжао Сюй Фань не мог не спросить, почему. Но перед Цуй Динченем или кем-то еще Сюй Фань не стал бы этого делать. Он моргнул слезящимися глазами и уставился прямо на Сюй Чжао.

Цуй Динчен смотрел точно так же. Они продолжали смотреть на вечер. Сюй Чжао не подавал никаких признаков пробуждения. Он встал и позвал мать и отца Сюй. Не говоря о важных делах, он остановился на более простых и рассказал о ситуации, в которой оказался Сюй Чжао. Он сказал старшим, чтобы они не волновались, что он позаботится о Сюй Чжао и Сюй Фане.

Положив трубку и вернувшись к разговору, он увидел, что Сюй Фань пристально смотрит на Сюй Чжао. Время от времени он шептал "папа". Его сердце словно кололи иголки. Он подошел к кровати и осторожно позвал: "Сюй Фань".

Сюй Фань повернул голову и посмотрел на него.

Цуй Динчен спросил: "Ты голоден?"

Сюй Фань кивнул.

"Давай купим тебе что-нибудь поесть, хорошо?"

"Хорошо. И папе купи еды".

"Папа спит. Он поест позже".

"Папа поест после того, как проснется".

"Правильно."

Он отнес Сюй Фаня вниз, чтобы тот поел лапши. Когда Цуй Динчен вернулся в палату, он арендовал в больнице кровать, чтобы Сюй Фань мог на ней спать. Однако Сюй Фань не захотел, сказав: "Я хочу спать с папой".

Цуй Динчен посмотрел на Сюй Фаня.

Сюй Фань сразу же разинул свой маленький рот.

Цуй Динчен сказал: "Не плачь".

Сюй Фань испугался и больше не смел плакать.

Цуй Динчен протянул руку, чтобы перенести Сюй Фаня на кровать Сюй Чжао. После того как Сюй Фань уснул, он перенес его на другую кровать. При этом он сел рядом с Сюй Чжао и протянул руку, чтобы коснуться щеки Сюй Чжао. В его сердце поднялась тревога, чувство вины, самобичевание, неконтролируемый гнев и желание убить.

Он медленно встал, вышел из палаты и подошел к больничному телефону. Набрал номер, он сказал: "Шэнь Цзяян сейчас находится в полицейском участке на Восточной улице. Пусть у него все сложится хорошо".

Его тон был как всегда спокоен. Но в этот момент по телу пробежал странный холодок, особенно когда он сказал "хорошо отдохнуть". Человек на другом конце провода тут же ответил: "Босс, это нехорошо. Разве вы не говорили, что ради наших семей мы должны поступать честно и достойно? Чтобы мы шли по правильному пути? Что мы не должны... Босс, сейчас система более строгая. Вы тоже это знаете. Таким жуликам, как мы, которые смешиваются с честными людьми, нелегко было выбраться на берег. Если мы будем вести себя как раньше, что если..."

"Кто главный?" ледяным тоном спросил Цуй Динчен.

"Вы. Босс, вы босс".

У Цуй Динчена не было ни малейшего изменения в выражении лица. Он еще немного поговорил по телефону, а затем добавил в список Ци Шуая. После того как он положил трубку, выражение его лица было таким же, как обычно. Он вошел в палату и сел у кровати Сюй Чжао. Нежно глядя на Сюй Чжао, он погладил его по руке и прошептал: "Сюй Чжао".

"Сюй Чжао".

Сюй Чжао никак не отреагировал. Не только в ту ночь, но и на следующее утро. Так продолжалось до полудня. Сюй Чжао не проявлял ни малейшей реакции и, похоже, вообще не собирался просыпаться. Врачи Первой народной больницы города Западной префектуры были в замешательстве, но в то же время ничего не могли сделать. Они могли только посоветовать Цуй Динчену перевестись в лучшую больницу Шанхая. Если и там не будет результата, то это будет уже чрезвычайная ситуация, выходящая за рамки человеческого медицинского уровня.

Это известие совершенно ошеломило Цуй Динчена, но он сохранил здравый смысл. Ночью он поехал в Шанхай, чтобы отвезти Сюй Фаня в больницу, но единственная новость, которую они получили, заключалась в том, что причина его болезни неизвестна. Он может очнуться, а может и нет.

Он может не проснуться.

Он может никогда не проснуться... Эти шесть слов вонзились в сердце Цуй Динчена, заставив его истекать кровью. Цуй Динчен, который всегда был спокоен, наконец, не удержался и взорвался. Он совершенно обезумел.

Пришедший с ним Цюй Цинфэн быстро обнял его и закричал: "Младший дядя, младший дядя, доктор уже сказал, что есть шанс, что он очнется. Он очнется!"

Цуй Динчен перевел взгляд на Цуй Цинфэна.

У Цюй Цинфэна покраснели глаза, и он сказал: "Врач сказал, что он может очнуться".

Цуй Динчен постепенно успокоился. Его взгляд постепенно стал сосредоточенным, сфокусированным на Сюй Чжао. Он опустился на колени и медленно уткнулся лицом в шею Сюй Чжао. Его высокое тело выгнулось и задрожало.

Цюй Цинфэн впервые видел Цуй Динчена в таком состоянии. В глубине души младший дядя был очень сильным и ни перед кем не отступал... Оказалось, что младший дядя так заботился о Сюй Чжао. Он протянул руку, чтобы вытереть слезы, и утешил: "Младший дядя, Сюй Чжао проснется".

Сюй Чжао проснется.

Цуй Динчен тоже верил в это, поэтому на следующий день он отвез Сюй Чжао обратно в Первую народную больницу города Западной префектуры. Наблюдая и лечя Сюй Чжао, он также начал возвращаться к своей повседневной жизни.

Помимо своей работы, он каждый день ходил в деревню Саут Бэй. С одной стороны, он помогал Сюй Чжао в работе, с другой - заботился о Сюй Фане.

Сюй Фань сначала думал, что папа спит, поэтому первые два дня вел себя очень хорошо. Однако потом он обнаружил, что папа не просыпается, и начал суетиться. Каждую ночь он подолгу плакал, звал папу. Он проплакал три дня подряд и стал не таким живым и разговорчивым, как раньше. Он стал гораздо более молчаливым.

Мать и отец Сюй тоже находились в плачевном состоянии.

Цуй Динчен заботился и о них, вместе с ним неся все тяготы Сюй Чжао. Он давал отцу Сюй лекарства, мыл миски для Сюй Фаня, помогал Сюй Фаню мыться, уговаривал Сюй Фаня спать. Он видел, как Сюй Чжао ухаживает за Сюй Фанем, и знал, как это происходит. Он никогда не делал этого раньше, но должен был сделать это.

Он попробовал искупать Сюй Фаня, но сила его рук не поддавалась контролю, и Сюй Фань заплакал. Он узнал у Сюй Чжао, каким тоном нужно разговаривать с Сюй Фанем, но Сюй Фань заикался и не обращал на него внимания. Он приготовил для Сюй Фаня бутылку молока, но Сюй Фань обжегся и заплакал. Он рассказывал Сюй Фаню историю, но из-за отсутствия эмоций в голосе Сюй Фань его не слушал... В общем, все, что Сюй Чжао делал с легкостью, как только наступала его очередь, превращалось в кашу. Даже после трех дней работы он все еще был в полном беспорядке.

Полный бардак!

Однако, даже будучи в таком состоянии, он все равно беспомощно уговаривал Сюй Фаня уснуть. Он отнес его в комнату матери и отца Сюй в восточном крыле. По дороге он принес грязную одежду старших и Сюй Фаня, быстро постирал ее и разложил сушиться в темном дворе. Затем он взял небольшую книгу Сюй Чжао и поговорил с матушкой и отцом Сюй. Он быстро выехал из деревни Саут Бэй в больницу.

Как и в предыдущие два дня, он отправился проверить состояние Сюй Чжао. В разочаровании он сел перед кроватью. Включив фонарик, он стал читать записи Сюй Чжао о посевах. Он вспомнил, как росли те посева, которые он видел сегодня, и подумал, не нужно ли их удобрять, собирать или что-то еще.

Подумав об этом, он вспомнил сцену, как Сюй Чжао усердно работает в теплице. Там было так тепло, хорошо и оживленно... Он перевел взгляд на Сюй Чжао. Сюй Чжао тихо спал, как будто даже не дышал.

Он осторожно позвал: "Сюй Чжао".

Сюй Чжао по-прежнему тихо спал и никак не реагировал. Он протянул руку и осторожно коснулся теплой щеки Сюй Чжао. Он вспомнил, как Сюй Чжао говорил, что у него болит голова. Он не принял это близко к сердцу, а следовало бы.

Если бы он принял это к сердцу, то Сюй Чжао не находился бы в коме из-за незначительной травмы. Этого бы не случилось.

Внезапно он не смог больше ни читать записи, ни оставаться в палате. Он встал и быстро вышел из палаты в конец коридора.

Через окно он увидел холодный и чистый лунный свет. Через мгновение он достал из кармана брюк нераспечатанную коробку сигарет. Пальцы только коснулись пломбы, как он вдруг вспомнил слова Сюй Чжао.

"Младший дядя, не кури в будущем. Это вредно для твоего организма".

Пальцы замерли. В конце концов, он не сломал печать. Он стоял спиной к окну, слегка откинувшись в сторону и глядя в окно. В его мыслях были Сюй Чжао и голос Сюй Чжао.

"Младший дядя".

"Младший дядя, что ты здесь делаешь?"

"Младший дядя, не суетись".

Младший дядя, что ты хочешь съесть? Я тебе приготовлю".

"Младший дядя, ты мне тоже нравишься".

"..."

Подул свежий ветерок. Он почувствовал прохладу на своем лице. Он протянул руку и потрогал лицо, поняв, что это след жидкости. Он еще раз потер его, затем повернулся и подошел к крану. Умывшись, он вернулся в палату и сел у кровати. Он снова включил фонарик и стал читать содержимое блокнота. Сюй Чжао мирно спал рядом с ним.

Он тоже постепенно погрузился в сон. Когда на востоке стало светло, Цуй Динчэн снова пошел беспокоить врача. Он надеялся, что доктор будет уделять больше внимания Сюй Чжао. Затем он позвонил отцу Цуй и попросил его присмотреть за Сюй Чжао. Сегодня ему нужно было позаботиться о теплице.

Когда отец Цуй приехал, небо уже посветлело. Проезжая на машине по улицам, он увидел, что кто-то продает булочки и желе из бобового творога. Вспомнив, как Сюй Фань любил их есть, он заказал три порции и поехал в деревню Саут Бэй. Когда он подъехал к дому Сюй, мать и отец Сюй уже проснулись. При виде Цуй Динчэна их отношение к происходящему стало вялым.

Цуй Динчэн знал, что мать и отец Сюй винят его в том, как он поступил в ситуации с Шэнь Цзяном и вовлечением Сюй Чжао. Он признал свою неправоту и, как всегда, поприветствовал старейшин с глубоким уважением.

Старейшины ответили на приветствие.

"Сюй Фань уже проснулся?" спросил Цуй Динчэн.

Отец Сюй ответил: "Пока нет".

Цуй Динчэн снова спросил: "Вы уже завтракали?"

Отец Сюй ответил: "Еще нет".

"Я отведу вас на завтрак. Давайте поедем вместе".

Отец Сюй посмотрел на Цуй Динчэна. Прошло всего несколько дней, но Цуй Динчэн уже сильно похудел. Отец Сюй вздохнул и сказал: "Хорошо".

Цуй Динчэн быстро вынес хлеб из машины на кухню. Когда он вышел из кухни, то увидел, что

мать Сюй вышла в панике и быстро сказала: "Отец Сюй Чжао, у Санвы жар".

Цуй Динчен был потрясен.

<http://bllate.org/book/16080/1438518>